

**Рец. на кн.: CHRISTINA WEIS. SURROGACY IN RUSSIA:
AN ETHNOGRAPHY OF REPRODUCTIVE LABOUR,
STRATIFICATION AND MIGRATION.**

Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021. 192 p.

Ольга Дмитриевна Яценко

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
oyaschenko@eu.spb.ru

Аннотация: Монография медицинского антрополога, научного сотрудника Центра репродуктивных исследований Университета Де Монфор (Великобритания) Кристины Вайс, вышедшая в серии "Emerald Studies in Reproduction, Culture and Society", посвящена коммерческому суррогатному материнству в современной России. Этнографическое исследование, основанное на обширных и разносторонних полевых материалах, включает рефлексию автора, методологические решения, эмоции и трудности, сопровождавшие ее в процессе сбора данных. Автор показывает, что в России отношения суррогатного материнства выстроены как чисто экономические, в них воспроизводятся социальные иерархии. Суррогатное материнство связано с физической и эмоциональной работой, выполняемой женщинами и подвергающей риску их жизни.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивный труд, репродуктивные услуги, миграция, социальные иерархии.

Для ссылок: Яценко О. Рец. на кн.: Christina Weis. Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021. 192 p. // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 319–328.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-319-328

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/yashchenko.pdf>

**A Review of CHRISTINA WEIS, SURROGACY IN RUSSIA:
AN ETHNOGRAPHY OF REPRODUCTIVE LABOUR, STRATIFICATION
AND MIGRATION. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021, 192 pp.**

Olga Yashchenko

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
oyaschenko@eu.spb.ru

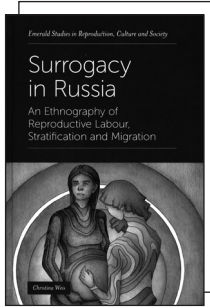
Abstract: A monograph by medical anthropologist Christina Weis, researcher at the Center for Reproductive Research at De Montfort University (United Kingdom), published in the Emerald Studies In Reproduction, Culture and Society series, is devoted to commercial surrogacy in contemporary Russia. This ethnographic study, based on extensive and diverse fieldwork, includes the author's reflections, methodological decisions, emotions, and difficulties that accompanied her in the process of data collection. The author shows that surrogacy relationships in Russia are constructed as purely economic, in which social hierarchies are reproduced. Surrogacy is associated with physical and emotional work performed by women and putting their lives at risk.

Keywords: surrogacy, reproductive labor, reproductive services, migration, social hierarchies.

To cite: Yashchenko O., 'A Review of Christina Weis, Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021, 192 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2023, no. 58, pp. 319–328.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-319-328

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/yashchenko.pdf>

Рец. на кн.: **Christina Weis. *Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration***. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021. 192 p.

Монография медицинского антрополога, научного сотрудника Центра репродуктивных исследований Университета Де Монфор (Великобритания) Кристины Вайс, вышедшая в серии “Emerald Studies in Reproduction, Culture and Society”, посвящена коммерческому суррогатному материнству в современной России. Этнографическое исследование, основанное на обширных и разносторонних полевых материалах, включает рефлексию автора, методологические решения, эмоции и трудности, сопровождавшие ее в процессе сбора данных. Автор показывает, что в России отношения суррогатного материнства выстроены как чисто экономические, в них воспроизводятся социальные иерархии. Суррогатное материнство связано с физической и эмоциональной работой, выполняемой женщинами и подвергающей риску их жизни.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивный труд, репродуктивные услуги, миграция, социальные иерархии.

Тема рецензируемой монографии — суррогатное материнство — всегда была неоднозначной, особенно в России, где, наряду с некоторыми штатами США, ЮАР, Украиной, Грузией и Казахстаном, суррогатное материнство, в том числе коммерческое, разрешено и регулируется законодательно. Несмотря на то что рынок по предоставлению услуг суррогатного материнства невозможно оценить объективно из-за существующих серых зон, Россия является мировым лидером на этом рынке, который до эпидемии COVID-19 показывал устойчивый рост. В то же время феномен суррогатного материнства неоднозначен с морально-этической точки зрения для клиентов клиник репродукции, врачей, законодателей, ученых, правозащитников: в зависимости от политических взглядов и моральных установок суррогатное материнство может рассматриваться и как помощь семьям, которые не могут по медицинским показаниям сами выносить и родить ребенка, и как эксплуатация женского тела с повышенными рисками для жизни.

Ольга Дмитриевна Яценко
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
oyaschenko@eu.spb.ru

Прежде всего я бы хотела очертить контекст того феномена, о котором пишет Кристина Вайс. Технологии вспомогательной репродукции (ВРТ) дают возможность преодолеть бездетность людям, столкнувшимся с бесплодием. Но эти же технологии, включая суррогатное материнство, по-новому подсвечивают или ставят под вопрос конфигурации родственных связей между людьми, которые лечатся от бесплодия, донорами репродуктивного материала, суррогатными матерями и детьми, рожденными в результате использования этих технологий. «ВРТ расширило понятие преемственности и привело к более динамичному пониманию “родства”, когда родство определяется как процесс, как нечто строящееся, а не как естественная данность», — пишут медицинские антропологи, исследующие влияние современных технологий на представления о родстве [Inhorn, Birenbaum-Carmeli 2008: 182].

Итак, использование ВРТ может делать суррогатных матерей новыми субъектами родственных отношений, «смещает» структуры родства и подрывает сложившиеся представления о семье, в которой процесс вынашивания ребенка (гестация) осуществляется его биологической матерью. Суррогатное материнство ставит под сомнение представление о «неразрывной связи» матери и ребенка. Материнство разделяется на генетическое, по акту рождения, приемное и суррогатное — в последнем случае возможно наличие трех матерей у одного ребенка [Thompson 2007; Inhorn, Birenbaum-Carmeli 2008]. Ссылаясь на исследования Элен Рагоне, Ольга Ткач резюмирует: «[Ф]еномен суррогатного материнства знаменует собой поворот в понимании материнства как такового. До появления репродуктивных технологий оно понималось как некий унифицированный опыт, комбинирующий социальные и биологические аспекты, в отличие от отцовства, для которого более привычна двойственная идентичность» [Ткач 2013: 53]. Происходит фрагментация материнства: биологическая мать — та, чья яйцеклетка была использована; суррогатная мать — та, кто выносила ребенка; социальная мать — та, кто воспитывает. Такое «множественное материнство» может провоцировать социальное напряжение, которое находит выход в общественных движениях противников суррогатного материнства (подобно движениям против абортов), в укреплении законодательной базы, регламентирующей подобную процедуру или даже полностью ее запрещающей.

Одновременно с реконфигурацией родственных связей и дисперсностью материнства благодаря технологиям могут смещаться и отношения между родителями, например в случае, если суррогатные матери имеют иные этнические и классовые характеристики, чем приемные родители [Ragone 2000]. Репродуктивный, или фертильный, туризм, подразумевающий

перемещение бесплодных людей, пар, репродуктивных «помощников» и их биоматериалов через национальные границы с целью зачатия и/или получения финансовой компенсации, становится еще одной формой медицинского туризма, производящей иерархии, так же как и классовое неравенство родителей [Inhorn, Birenbaum-Carmeli 2008].

Описанные выше зоны напряженности вокруг суррогатного материнства и определяют исследовательский фокус Кристины Вайс. Автор ставила перед собой цель объединить в исследовании опыт женщин, решивших стать суррогатными матерями, медицинских профессионалов, действующих в поле репродуктивной медицины, и «репродуктивных помощников», оказывающих сервисное сопровождение, а именно агентств, которые предоставляют услуги суррогатного материнства. Перед входом в поле Кристина Вайс хотела описать социальную организацию и культурные рамки, в которых существует и развивается коммерческое суррогатное материнство в современной России.

В течение пятнадцати месяцев автор общалась со своими информантами, посещала репродуктивные клиники и агентства, наблюдала за тем, как основные участники взаимодействуют между собой. Находясь в поле, Вайс также фокусировалась на своих эмоциях. В этом отношении она демонстрирует солидарность с другими феминистскими исследователями, использующими качественную методологию и выступающими за то, чтобы в процессе исследования и производства нового знания уделять внимание собственным эмоциям. Предполагая, что погружение в эмоции при проведении исследования способствует более глубокому осмыслению феномена, его анализу и интерпретации, Вайс следует за классиком социологии эмоций Арли Хохшильд [Hochschild 1979; 2003]: эмоциональная работа — это усилия по изменению степени или качества собственных эмоций. Таким образом, в процессе исследования антрополог может управлять собственными эмоциями, вызванными тем, что он видит, слышит, чувствует, воспринимает и т.д., взаимодействуя со своими информантами и собеседниками. Для Вайс, по ее собственной оценке, работа с личными эмоциями стала важным исследовательским инструментом, который сделал результаты ее работы более надежными и заслуживающими доверия. Эмоциональная рефлексивность, как кажется, должна была защитить Вайс от возможных обвинений в чрезмерной эмпатии в отношении одних информантов и в чрезмерной предвзятости к другим. О том, насколько этот метод сработал, я скажу позже.

На обложке книги мы видим двух женщин, одна из которых дотрагивается до живота другой: это иллюстрация Филиппа Вайса под названием «Чье материнство?» (“Whose motherhood?”).

Вопрос, кто является матерью будущего ребенка, подсказывает читателю вектор проблематизации исследуемого феномена. Книга Кристины Вайс вышла в серии “Emerald Studies in Reproduction, Culture and Society”, наряду с исследованиями проблем криополитики и консервации репродуктивных материалов и эмбрионов, проблем соло-материнства и использования донорских материалов, проблем добровольной и вынужденной бездетности, взаимосвязей репродуктивной медицины и возраста и т.д. Новая для издательства серия объединяет ученых, работающих в области социальных и гуманитарных наук, в чьи исследовательские интересы входят проблемы репродукции человека. Исследование медицинского антрополога Кристины Вайс — актуальная феминистская этнография, посвященная работницам коммерческого суррогатного материнства в/из России и других стран бывшего СССР, первая подобная работа на этом материале.

Кристина Вайс, научный сотрудник Центра репродуктивных исследований Университета Де Монфор в Великобритании, занимается репродуктивными правами, социальными аспектами бесплодия, вспомогательными репродуктивными технологиями и связанными с ними вопросами миграции и мобильности. С точки зрения методологии ей особенно близки этнографические методы и феминистский исследовательский дизайн.

За книгой стоит восьмилетний опыт исследовательской работы, с полевыми сезонами с сентября 2011 по январь 2012 г. и с августа 2014 по май 2015 г. Основным местом проведения исследования стал Санкт-Петербург, но также Вайс ездила в Москву, Карелию, Минск, проводила телефонные интервью с информантами из разных городов России и Украины. Помимо интервью с суррогатными матерями, представителями репродуктивных клиник и агентств, собранный ею массив данных представлен этнографическими заметками и дневниками наблюдений. Исследовательница собирала рекламные объявления, анализировала онлайн-форумы, заметки в медиа, законодательные акты, контракты агентств с суррогатными матерями, заявления представителей православной церкви и т.д. Проведя пятнадцать месяцев в поле, Вайс посчитала важным включить в книгу и свои методологические решения, эмоции и трудности, сопровождавшие ее в процессе сбора данных, чтобы сделать этнографическую работу максимально прозрачной.

Книга состоит из пяти основных частей и четырех дополнительных глав, которые посвящены описанию эмпирических данных. Первая часть «Введение: суррогатное материнство в России» (“Introduction: Surrogacy in Russia”) фокусируется на культурной и законодательной специфике постсоветского пространства и описывает исследовательский контекст. Здесь же

автор разъясняет, почему для нее важно сделать акцент на эмоциях, переживаемых «в поле», и как это способствует прозрачности полученных данных. В этой главе автор вводит важный для исследования термин «суррогатная работница» (*surrogacy worker*), русский эквивалент которого, конечно, использовать сложно. Таким способом Вайс представляет читателю свое понимание мировой практики суррогатного материнства: в России суррогатное материнство безоговорочно рассматривается как экономическая сделка или, по словам суррогатных матерей, как краткосрочное «деловое соглашение», цель которого — выстроить между вовлеченными сторонами рабочие отношения, которые должны закончиться вскоре после рождения ребенка. Вайс отмечает, что по отношению к вынашиваемому ребенку суррогатные матери определяют себя исключительно в роли выполняющих работу, но не мыслят себя в качестве матерей. Поэтому далее она часто использует в отношении суррогатных матерей термин «работница», дополняя словарь эмным русским термином «сурмама».

Во второй главе «Как становятся суррогатной матерью» (“*Becoming a Surrogacy Worker*”) автор исследует процесс вовлечения женщин в суррогатное материнство в современной России. Женщины, принявшие решение стать суррогатными матерями, вырабатывают свое определение, свое понимание гестационного суррогатного материнства, как моральное, так и трудовое и экономическое. Вайс показывает, как они организуют свою социальную жизнь, чтобы иметь возможность находиться на этой «работе» (например, решая, кто будет осуществлять уход за их собственными детьми в другом городе, договариваясь с супругом и т.д.). Взгляд суррогатных матерей на их «работу» дополняется взглядами представителей коммерческих агентств суррогатного материнства, врачей-репродуктологов и клиентов, т.е. потенциальных родителей.

В третьей главе «Налаживание отношений» (“*Making the Relationship Work*”) Вайс сосредоточивается на отношениях суррогатных матерей и потенциальных родителей, на том, как производится работа по их выстраиванию, как «сурмамы» воспринимают эту работу как составную часть суррогатного материнства. Исследовательница объясняет обязательность этой работы особенностями российской культурной концепции суррогатного материнства как экономического механизма, особенно в случае, когда отношения между участниками процесса выстраиваются напрямую, без участия агентства (например, когда они находят друг друга по объявлению в газете). По наблюдениям Вайс, большинство суррогатных матерей полагают, что адаптация к ожиданиям клиентов является их неотъемлемой обязанностью как наемных работников,

поскольку видят в материнстве экономические отношения на условиях «делового соглашения».

В четвертой главе «Репродуктивные миграции» (“Reproductive Migrations”) Вайс подробно исследует географические и геополитические аспекты российского суррогатного материнства. Рынок суррогатного материнства располагается в крупнейших городах — Москве и Санкт-Петербурге, которые представляют собой своеобразные «репродуктивные хабы», куда приезжают суррогатные матери из других городов России и ближнего зарубежья. Она выделяет два способа репродуктивной миграции: либо «хаб» становится постоянным местом жительства на весь период от момента зачатия до родов (для таких женщин Вайс использует термин *migrant surrogacy worker*), либо женщина приезжает в клинику из своего родного города для прохождения определенных процедур (перенос эмбриона, УЗИ-обследования и пр.) и затем релоцируется в «хаб» за несколько недель до родов (это *commuting surrogacy worker*). Автор пишет подробную этнографию таких поездок, сопровождая ее фотографиями плацкартных вагонов, описаниями мест проживания суррогатных мам, бытовыми сценами. По мнению Вайс, несмотря на то что агентства часто предпочитают нанимать женщин из провинции, у которых якобы лучше показатели здоровья и им можно меньше платить, эти женщины вынуждены много ездить «на работу» в мегаполисы, а их репродуктивный труд игнорируется. Тем самым агентства систематически превращают суррогатных матерей в «репродуктивные сосуды», не замечая в них людей. В этой главе автор показывает, что переживают суррогатные матери во время подобной репродуктивной миграции и как организация процесса высвечивает географическое и социальное расслоение российского общества.

Наконец, в пятой, самой скромной по объему главе «Разрывы и реконфигурации» (“Disruptions and Reconfigurations”) Кристина Вайс исследует влияние на практику коммерческого суррогатного материнства в России социальных и политических катаклизмов — пандемии COVID-19, растущего давления на семьи с нетрадиционной сексуальной ориентацией, а также проблем и потенциальных изменений в текущем политическом контексте. Опираясь на юридические документы, статьи в СМИ, данные киберэтнографии и личные интервью, собиравшиеся с января 2020 по март 2021 г., автор делает вывод, что локдаун 2020 г. был использован политиками консервативного толка для ограничения доступа к суррогатному материнству людей, желающих создать нетрадиционные семьи.

В заключении автор резюмирует, чем практика суррогатного материнства в России отличается от подобной практики в дру-

гих странах. Так, суррогатные матери в России не обсуждают моральную составляющую коммерческого суррогатного материнства, поскольку видят в нем возможность заработка. Они рассматривают суррогатное материнство как работу, а себя как работников, имеющих право на адекватную оплату, в отличие от альтруистических практик суррогатного материнства, которые можно наблюдать, например, в Израиле или США. Вайс показывает, что суррогатные матери в России не отождествляют себя с вынашиваемыми детьми, понимая, что эти дети принадлежат клиентам, и, следовательно, не ощущают с этими детьми никакой кровнородственной связи, что отличает российский случай от, например, «суррогатных» отношений в Индии или Таиланде.

Еще одна российская особенность, которую отмечает исследовательница, заключается в выборе в качестве суррогатных матерей этнически русских или славянских женщин. Как пишет Вайс, «белые» клиенты предпочитают воспроизводить свой цвет кожи, используя репродуктивный труд «белых» суррогатных матерей, в отличие, например, от США, где клиенты с Севера приезжают на Юг за услугами суррогатного материнства. Кажется, что автору стоило бы использовать термин «славянская» (внешность), более привычный и понятный для локального контекста. Интерпретацию Кристины Вайс касательно этнических предпочтений также можно уточнить: речь идет не столько про «воспроизводство цвета кожи», намекающее на условную связь суррогатной матери и ребенка (хотя выше автор объясняет, что ее нет, это чисто экономические отношения), сколько про «предсказуемость» «славянской» женщины, чей габитус культурно ближе и понятнее потенциальным родителям.

Что касается миграционных процессов и мобильности при использовании суррогатного материнства, то они свойственны не только России: это глобальная тенденция на рынке репродуктивных услуг. Специфика России связана с локальными стратификационными процессами. Прочтя книгу Вайс, я бы предложила нарисовать рыночную модель, стратифицирующую суррогатных матерей, в виде пирамиды: на вершине «русские» женщины, за ними женщины «славянской» внешности, затем россиянки — представительницы этнических меньшинств, внизу женщины из Средней Азии. Второй признак — возможности для суррогатной миграции, необходимость в предоставлении жилья и т.д. Чем ближе к репродуктивному «хабу» проживает женщина, тем ниже ее моральные и материальные издержки и выше заработок.

Вайс заключает, что в России отношения суррогатного материнства выстроены как товарно-денежный обмен. Однако, хотя

основной целью «работника» будет получение заработка за свой труд, в этих трудовых и товарных отношениях все равно будут воспроизводиться социальные иерархии. Исследование Вайс показывает еще один пример отчуждения тела как средства производства, отчуждения, которое нивелирует моральную составляющую процесса. Представление о суррогатном материнстве как об экономическом обмене дает женщинам возможность рассматривать такую работу как временную, как возможность заработка, как морально приемлемое действие. В свою очередь, экономическая заземленность процесса вносит в соглашения о суррогатном материнстве напряженность. Независимо от культурных рамок, отмечает Вайс, суррогатное материнство связано с физической и эмоциональной работой, выполняемой женщинами и подвергающей риску их жизни.

Подводя итоги, стоит сказать, что книга Вайс — это пример отличной и насыщенной этнографии. Автор дает читателю возможность заглянуть на свою полевую кухню, добавив к основному тексту дополнительные методологические и эмпирические главы («Представление информантов», «Заметки о взаимоотношениях во время исследования», «Эмоциональная работа», «Условия проживания суррогатных матерей»). Как уже говорилось, размышления об эмоциях антрополога в поле для Вайс служат еще одним исследовательским инструментом. Однако сторонний наблюдатель может увидеть и определенную тенденциозность подачи, например в том, как эмоционально описываются условия проживания суррогатных матерей в спальных районах Санкт-Петербурга по сравнению с респектабельностью клиник репродукции, в фотографиях плацкартных вагонов, в которых вынуждены совершать поездки в репродуктивные «хабы» беременные женщины, в описаниях унылой осенней петербургской погоды и т.д. На мой взгляд, у любого автора, исследующего какие-либо социальные феномены в российском контексте, появляется возможность подобной спекуляции на описании местных реалий. Но панельные дома на юго-западе Петербурга в нескольких километрах от метро — это наша рутина, фон, норма, а людьми из российской глубинки они вообще могут восприниматься как возможность улучшения жилищных условий, а не как гетто, куда их принудительно поместили на время работы.

Также тенденциозность прослеживается в слишком левой позиции автора, порой ломающей адекватность исследовательских интерпретаций. На мой взгляд, акцент на социальной стратификации, когда «заказчики» — будущие родители — видятся исключительно как угнетатели, а суррогатные матери из менее защищенных социальных и этнических групп — как угнетаемые и находящиеся в уязвимой ситуации прекарного труда, избыточны. Картина может быть сложнее той, которую рисует Вайс:

часто пара, столкнувшаяся с бесплодием, долго откладывает деньги, например на протоколы ЭКО, а если они не помогают, то на суррогатное материнство. И это очень большие деньги для современной России. Отмечу, что автор цитирует объявления о стоимости услуг 2014 г., хотя книга вышла в 2021 г. и за это время сумма компенсации суррогатной матери, агентству, другим игрокам и посредникам увеличилась. Бесспорно, тема суррогатного материнства морально сложна, эмоционально насыщена, поднимает множество социальных проблем, и позиция феминистского антрополога выглядит вполне оправданной, однако нерелексивная политизация дисциплины вызывает некоторые сомнения в адекватности той картины, которую рисует исследовательница.

В заключение я хочу порекомендовать книгу к прочтению широкому кругу исследователей и всем заинтересованным в проблеме использования новых репродуктивных технологий в локальном и глобальном контексте. Как содержательно, так и методологически это актуальное исследование на очень острую тему. Кажется немного удивительным, что такая тщательная работа проведена зарубежным автором, который постарался максимально приблизиться к объекту своего исследования, но при этом неизбежно смотрит на него со стороны. Постараемся увидеть в этом плюс, потому что рутина, опосредованная взглядом и интерпретациями Кристины Вайс, обретает объем, видимость, новые смыслы и значения.

Библиография

- Ткач О. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–69.
- Hochschild A.R. Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 85. P. 551–575.
- Hochschild A.R. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley, CA: University of California Press, 2003. 339 p.
- Inhorn M.C., Birenbaum-Carmeli D. Assisted Reproductive Technologies and Culture Change // *Annual Review of Anthropology*. 2008. Vol. 37. P. 177–196. doi: 10.1146/annurev.anthro.37.081407.085230.
- Ragone H. Of Likeness and Difference: How Race Is Being Transfigured by Gestational Surrogacy // Ragone H., Twine F.W. (eds.). *Ideologies and Technologies of Motherhood*. N.Y.: Routledge, 2000. P. 56–75.
- Thompson C. *Making Parents: The Ontological Choreography of Reproductive Technologies*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press, 2007. 360 p.

A Review of Christina Weis, *Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration*.

Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021, 192 pp.

Olga Yashchenko

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
oyaschenko@eu.spb.ru

A monograph by medical anthropologist Christina Weis, researcher at the Center for Reproductive Research at De Montfort University (United Kingdom), published in the Emerald Studies In Reproduction, Culture and Society series, is devoted to commercial surrogacy in contemporary Russia. This ethnographic study, based on extensive and diverse fieldwork, includes the author's reflections, methodological decisions, emotions, and difficulties that accompanied her in the process of data collection. The author shows that surrogacy relationships in Russia are constructed as purely economic, in which social hierarchies are reproduced. Surrogacy is associated with physical and emotional work performed by women and putting their lives at risk.

Keywords: surrogacy, reproductive labor, reproductive services, migration, social hierarchies.

References

- Hochschild A. R., 'Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure', *American Journal of Sociology*, 1979, vol. 85, pp. 551–575.
- Hochschild A. R., *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley, CA: University of California Press, 2003, 339 pp.
- Inhorn M. C., Birenbaum-Carmeli D., 'Assisted Reproductive Technologies and Culture Change', *Annual Review of Anthropology*, 2008, vol. 37, pp. 177–196. doi: 10.1146/annurev.anthro.37.081407.085230.
- Ragone H., 'Of Likeness and Difference: How Race Is Being Transfigured by Gestational Surrogacy', Ragone H., Twine F. W. (eds.), *Ideologies and Technologies of Motherhood*. New York: Routledge, 2000, pp. 56–75.
- Thompson C., *Making Parents: The Ontological Choreography of Reproductive Technologies*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press, 2007, 360 pp.
- Tkach O., "'Half-Related"? Problematisation of Kinship and Family in Print Media Discussing Assisted Reproductive Technologies', *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 50–68. (In Russian).